

Дмитрий Барчук: «Апокалипсис откладывается»

ДМИТРИЯ БАРЧУКА – журналиста, предпринимателя и писателя, автора на шумевшего в свое время романа «Новый 2003-й» – мы искали с зимы. И вдруг – неожиданная встреча в главном корпусе Томского госуниверситета. «Диплом защищаю на экономическом факультете по мировой экономике». Этот ответ только подогрел наш интерес.



«Над Канадой небо синее...»

– ГРЕШНЫМ делом начали думать: роман настолько напугал самого автора, что он уехал из страны?

– Это не я. Это мой бывший компаньон, начитавшись моих страшилок, уехал с семьей на ПМЖ на Мальту. Нам с женой хватило нескольких недель в Канаде, чтобы понять: это – не наше. У всех эмигрантов – одна судьба: они выбрали сытую жизнь, поставив крест на своих амбициях, карьере. Большинство из них живет ради детей, в надежде на то, что они чего-то добьются на новой родине. Моя жена Наташа, посмотрев на это, еще тогда, в 98-м, в Монреале, твердо сказала, что мы к такому самопожертвованию не готовы. Сейчас она защищает кандидатскую диссертацию в медицинском университете. Кстати, «Новый 2003-й» я дописывал уже после несостоявшейся эмиграции. А сейчас вот заканчиваю свой «второй» университет и

второй роман. Верю в то, что буду еще сам востребован на Родине.

– Ты утопист, даром твой первый роман о коммунистическом реванше и репрессиях - почти утопия.

«Не люблю приватизаторов»

– АНТИУТОПИЯ. Прежде чем сесть за написание, я не раз перекрестился. Чтобы этого, не дай Бог, не произошло. И я по-прежнему считаю: если Россия займётся самоедством, это будет худшим исходом для неё же самой.

– Но я хочу о другом спросить по поводу романа. Его герои легко узнаются - это прототипы твоих бывших друзей и коллег в газете, в бизнесе. На многих ты не пожалел черной краски. Кто-то возмущался, кто-то отнёсся к этому спокойно: мол, это же роман, литература, чего обижаться. Почему ты всё-таки так конкретен в образах?

– Я просто попытался смоделировать, как бы повели себя конкретные люди, случись реставрация прежней системы. Может быть, я ошибся. Это моё субъективное мнение и, в самом деле, художественное преломление действительности. Но я не люблю приватизаторов. Тех, кто присвоил себе то, что до них создавали несколько поколений. Если хочешь заработать деньги – иди, создавай своё дело и зарабатывай, а не приватизируй уже созданное. Это, на мой взгляд, не совсем честно. Хотя, с точки зрения макроэкономики, неважно, кому принадлежит собственность, важно, насколько она эффективно используется и как, в чьих интересах, распределяются доходы от её использования. Я надеюсь, что в романе это прозвучало. Хотя сейчас бы я многое по-другому написал. Вижу в нём слабые места. Ведь я писал его на одном дыхании, как раз, когда случился дефолт и все коммерческие проекты замерли. Роман меня тогда спас, можно сказать.

Пугачёв и другие

– ПРОДОЛЖЕНИЯ не будет?

– А какое продолжение может быть у апокалипсиса? Да и 2003 год уже не за горами. Я очень рад, что мои пессимистические прогнозы не оправдались, жаль только, что опасность «романного» развития событий ещё существует, хотя и становится все нереальнее. Сейчас, чтобы разобраться с настоящим и определить оптимальные цели на будущее, я хочу понять прошлое. Одна из сюжетных линий моего нового романа развивается в екатерининские времена в Сибири, в период войны с Пугачёвым. Однако

сразу хочу предупредить, что это не исторический роман. Скорее – псевдоисторический. Как в «Новом 2003-м» я смоделировал будущее, так здесь я достаточно вольно обращаюсь с историческим материалом, с общепринятой исторической версией, выстраивая своё прошлое. Пытаюсь разглядеть в нём причины наших сегодняшних проблем.

– **Неужели они запрятаны так глубоко?**

– Начиная с царствования первых Романовых (глубже – такая путаница и такой мрак, что о реалиях можно только догадываться), прослеживается устойчивая тенденция: все серьёзные состояния в России зарабатывались, в подавляющем большинстве случаев, за счёт близости к верховной власти. Абсолютная власть одаривала своих фаворитов всеми мыслимыми и немыслимыми благами, но зато в любой момент могла забрать эти блага обратно, конфисковать. Самые дальновидные из «счастливчиков», пока находились у кормушки, стремились перевести деньги за границу, чтобы иметь хоть какие-то гарантии на будущее. В обществе в целом складывалось отношение к богатству, как к чему-то, что не зависит от воли людей, что сваливается неожиданно с неба, а потом также неожиданно исчезает. Разве в современной России нет таких настроений? Для американца деньги – это овеществлённый труд, будущее его и его детей, для русского – манна небесная. Американец инвестирует свой капитал в дело, русский идёт в кабак, к цыганам.

– **Кто же герой твоего нового романа?**

– Один из героев – пушкинский Гринёв из «Капитанской дочки» (надеюсь, больше никто не станет узнавать себя в этом образе). Волей судьбы он попадает в Томск и учит здесь русскому языку жену воеводы, французенку... Второй временной пласт представлен нашими современниками. Но и тут прототипов больше не найдёте. Рабочее название романа – «Орда».

«Хочу понять, что с нами произошло»

– **ИЗБРАВ такую не «прикладную» для провинции специальность, как «Мировая экономика», что ты хотел понять и что же понял?**

– Каждая страна, каждая нация – индивидуальны и неповторимы. Нет универсальных экономических теорий и рецептов достижения процветания. То, что принесло положительный эффект в одной стране, может нанести вред другой. Есть стандартный набор рычагов воздействия на экономику. *Профессионализм политиков состоит в том, чтобы в нужное время использовать нужный рычаг, просчитывать возможности и последствия. У нас же за десять лет реформ людям толком не объяснили: что, почему и зачем? Большинство не верит власти, потому что она людей неоднократно обманывала.*

– **Автор «Нового 2003-го» предсказывал апокалипсис, а экономист-международник может предложить способы его избежать?**

– Старая российская идея державности, которую, кстати, с успехом использовали коммунисты, может обрести свою современную конкретность только как достижение «могучести» технологической. Пустить нас в мировое сообщество могут лишь в двух случаях. Или как сырьевой придаток развитых экономик. Это просто. Или как технологического лидера. Это надо заработать, это трудно. Но более соответствует интересам России. Изоляцию России от мира я даже не рассматриваю. Это крах. Будущее России возможно только через развитие образования и науки. Сделать учёного самым уважаемым человеком в обществе, а не человека, близкого к власти, к нефтяной скважине или трубе.

У нас столько светлых голов, а на внедренческом этапе не хватает организации, конкурентной среды. Все предпосылки и в России, и в Томске для развития инновационного бизнеса есть. Не достает инвестиций (но это дело наживное), а главное – не хватает политической воли для достижения этой цели. Для обслуживания сырьевых богатств России хватит и трети нашего нынешнего населения. Поэтому производство высокотехнологической продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью – вопрос выживания нации. Делить шагреновую кожу – занятие неблагодарное. Другое дело – создать условия для умножения личного и общественного богатства. В этом должна заключаться современная российская идеология.

Если человек видит что-то хорошее у другого, а не может заработать то же себе, он начинает злиться на того, кто имеет. В этом заключается самая страшная угроза не только для России, но и для всего мира. И об этом был мой первый роман. Жаль, если кто-то этого не понял.

Соломон ВЫГОН

Аргументы и факты. 2002. № 22. С. 3. Прил. «Аргументы и факты. Томск».